

Сын олигарха: Английский бокс

Алексей Кукушкин

Алексей Кукушкин

Сын олигарха: Английский бокс

<https://litres.ru/74525608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Английский бокс в Итоне. Алексей Волков — сын русского олигарха, отправленный отцом в Итон «стать человеком». Он учится говорить без акцента, носить фрак, держать удар. Бокс становится его единственным языком: в нём нет лжи, нет отца, нет России. Победа над Кембриджем, квартира в Челси, девушка из оксфордской элиты, всё, о чём мечтал. Только Эмили уходит: «Ты не русский и не англичанин. Ты ничей».

Алёша возвращается в Москву, где чужой среди своих, на вечеринке в Барвихе он садится за руль пьяным. Авария. Больница. Отец у койки. Монитор сбоит. Алёша проваливается в темноту и просыпается в чужом теле, в чужом веке, с чужими кулаками. Первая книга серии, о том, как человек, потерявший себя, начинает путь домой, через боль, кровь и кулачные бои по забытым правилам.

Содержание

Глава 1. Кто это?	4
Глава 2. Ринг	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Кукушкин

Сын олигарха:

Английский бокс

Глава 1. Кто это?

Кровь на снегу была не красной, она была чёрной. Густой, как машинное масло, и тёплой. Он стоял босиком посреди белого поля, а вокруг все кричали. Десятки голосов, сотни, и все на одном языке, которого он не знал, но понимал каждое слово. Кто-то схватил его за плечо, развернул, и он увидел, своё лицо, но чужое, бородатое, в синяках, с перебитым носом и это лицо улыбалось ему. Потом удар...

Алёша открыл глаза. Потолок. Белый. Идеально белый. Никаких трещин, никаких теней. Потолок Итона. Шесть тридцать утра, понедельник, ноябрь. За окном серый английский рассвет, тот самый, от которого у него уже четыре года сводило скулы. Дождь. Всегда дождь. Англия это не страна, а сплошная дождливая погода.

Он лежал не двигаясь. Сердце колотилось где-то в горле. Руки холодные. Простыня сухая, не вспотел, эт хорошо, в Итоне не любят, когда мальчишки потеют по ночам. Хауз-мастер мистер Тэйт сразу начинает задавать вопросы, а во-

просы в Итоне, это всегда неприятности. Неприятности это лишние часы на кухне. Неприятности это письмо домой, а письмо домой, это разговор с отцом.

Алёша сел. Короткий вдох. Длинный выдох. Так учил тренер по боксу: «Дыши через нос, Волков. Рот для того, чтобы кричать, а кричать удел слабых».

Слабых в Итоне не любят. Слабых едят, это он понял в первый же день, когда ему было тринадцать и он приехал сюда с одним чемоданом и русским акцентом, от которого у него до сих пор сводило челюсти при воспоминании.

Он встал. Босые ноги ступили на холодный паркет. Четыре шага до умывальника. Кран - ледяная вода. Лицо в ладони. Подбородок устремлен вверх. Посмотреть в зеркало.

И тут он замер. В зеркале на него смотрел мальчик. Семнадцать лет. Тёмные волосы, коротко, по-английски. Гладко выбрит, в Итоне бриться начинают с пятнадцати, даже если щеки ещё детские, даже если от бритвы остаётся только раздражение. Серые глаза. Прямой нос. Тонкие губы, которые он научился держать так, чтобы никогда не дрогнули. Идеальный красавец, но чужой.

Who is this?

Он задал этот вопрос вслух. Тихо, почти шёпотом и сам себе не ответил. Потому что ответа не было. Алексей Волков это имя, которое он слышал от отца. Алексей это имя, которое записано в паспорте, а вот кто этот парень в зеркале, он не знал уже года три. Может, четыре. Может, с тех самых

пор, как перестал приезжать к бабушке на лето. С тех пор, как перестал говорить по-русски без акцента. С тех пор, как перестал думать на русском вообще.

Ладно, хватит соплей. Он отвернулся от зеркала. Четыре шага до шкафа. Форма. Серая, безупречная. Белая рубашка, крахмальный воротник, тёмно-синий галстук, с гербом колледжа. Всё сложено с вечера. Всё на своих местах, в Итоне вещи не валяются в Итоне вещи живут по расписанию, как и мальчики.

Он оделся за четыре минуты. Последний раз проверил себя в зеркале. Галстук висит ровно. Воротник тоже ровно. Волосы приглажены. Всё как надо, как у всех.

Выйдя из комнаты, столкнулся в коридоре с Томлинсоном, сыном адвоката из Бристоля. Средний рост, средние оценки, средние способности, в Итоне таких называют «оппиданами» — обычными мальчиками, которые платят за обучение, не стипендиатами, не королями, а просто деньгами.

— Morning, Volkov.

— Morning, Tomlinson.

Акцент безупречный, ни одной русской шероховатости, ни одной «э» там, где должно быть «и». Отец был бы доволен, он платил двенадцать тысяч фунтов в год не за то, чтобы его сын говорил как дворник из Нижнего Новгорода.

Вниз по лестнице. В столовую. Запах: тосты, бекон, чёрный чай. Столовая Итона, это не столовая, а зал для приё-

мов. Дубовые панели, портреты выпускников: премьер-министров, генералов, епископов. Все они смотрят на тебя сверху вниз. Все они когда-то сидели за этими столами. Все они умерли и ты тоже умрёшь, но сначала станешь одним из них.

Алёша сел за стол. Третий ряд от окна. Его место. Чарльз напротив, уже с газетой, с чаем, уже идеальный. Как всегда, как и положено сыну баронета, крестнику лорда, будущему члену Палаты общин (если папа не разорится к тому моменту).

Чарльз Уитмор умел читать людей лучше, чем Вергилия, это было нечестно. В Итоне вообще мало что было честным, кроме расписания, формы и правил. Всё остальное, притворство, что ты счастлив, что ты свой, что ты не проснулся в шесть тридцать утра от сна, в котором видел своё лицо, чужое, бородатое, с перебитым носом.

Чарльз поднял глаза. Медленно. С той самой ленивой внимательностью, которая в Итоне считалась признаком породы, как будто у него было всё время мира, а у Алёши только то, что он ему подарит.

— Ты плохо спал, Волков.

Не вопрос, а констатация, как «сегодня вторник» или «чай цейлонский».

— Откуда ты знаешь?

— У тебя под глазами тени, а ты, Volkov, никогда не выглядел так, будто видел привидение. Разве что в зеркале по

утрам, но это, полагаю, отдельный сорт ужаса.

Алёша налил себе чай. Руки не дрожали, что уже было хорошо, в Итоне дрожащие руки, это как русский акцент, признак того, что ты не до конца вычистил из себя то, чем родился.

Чай горячий, молоко после, сахар одна ложка. Всё как надо, всё как у всех. Он сделал глоток. Обжёг язык. Хорошо. Боль это ясно. Боль это здесь, а сон где-то там, в белом поле. В чёрной крови, в лице, которое улыбалось ему, его же лицом.

— Мне приснился сон, — сказал он.

Сам не понял, зачем сказал, ведь Чарльз не тот человек, которому рассказывают сны. Чарльз тот, кому рассказывают оценки, планы и то, кто твой отец.

Чарльз отложил газету. Сложил ровно, пополам, положил справа от тарелки. Всё как надо, всё, как у всех.

— Всем снятся сны, — сказал он. — Мне вот приснилось, что я сдал математику. Проснулся и понял, что это был не сон, а кошмар.

Он улыбнулся, той самой улыбкой, типа: «я пошутил, но не совсем».

Алёша молчал, он хотел рассказать, про поле и снег, про то, как его развернули и он увидел себя, но слова застревают где-то в горле. Потому что он знал, что Чарльз не поймёт в Итоне не понимают снов, в Итоне понимают только то, что можно измерить. Оценки. Дистанцию в ярдах. Сумму на

банковском **cheque**.

— Кошмар? — спросил Чарльз.

— Что-то вроде.

— Расскажешь?

— Нет.

— Правильно, сны, это как носовые платки их не показывают, ими вытирают слёзы наедине.

Алёша посмотрел на него. Чарльз не издевался, англичанин говорил правду, в Итоне это называлось дружбой.

— Латынь сегодня, — сказал Чарльз, возвращаясь к газете. — Мистер Хэммонд обещал проверить «Энеиду». Двенадцать строк, ты готов?

— Готов.

— Ты всегда готов, в этом и проблема, Волков, ты слишком готов, это пугает и выдает тебя, так как у нас не принято быть слишком усердным.

— Что именно пугает?

— То, что ты, как заведённые швейцарские часы, которые никогда не врут, а люди, Волков, люди, всегда врут, особенно самим себе и чем раньше ты это усвоишь, тем быстрее ты приспособишься ко взрослой жизни.

Алёша не ответил. Он допил чай. Поставил ровно чашку. Ручка вправо. Ложка параллельно. Всё как надо, всё как у всех.

Они доели завтрак в тишине, в Итоне тишина за завтраком, это норма. Разговоры после. После на уроки. После на

ринг. После в библиотеку. Всё по расписанию. Всё по правилам.

Чарльз встал первым. Сложил салфетку. Положил справа от тарелки. Кивнул Алёше коротко, по-английски. Это значило: «Я тебя вижу. Я тебя понимаю. Но спрашивать не буду».

Алёша встал следом. Свою салфетку тоже сложил. Тоже положил. Тоже справа. Всё как надо. Всё, как у всех.

Он пошёл к выходу. Через столовую, где портреты смотрели сверху вниз. Где полы блестели, как лёд. Где воздух пах воском и старой бумагой.

И тут он поймал себя на мысли: он не помнит, как дошёл до класса.

Он шёл по коридору. Ноги сами. Руки сами. Спина прямая. Подбородок вверх. Всё как надо. Всё, как у всех.

Но внутри у него было пусто, как в той столовой, как в том сне, как в том лице, в зеркале.

Он остановился у двери класса. Посмотрел на свою руку, которая тянулась к ручке двери. Рука его, но двигалась, как будто, не его.

Who is this?

Он задал этот вопрос, снова, тихо, про себя и снова, не получил ответа.

Дверь открылась изнутри. Мистер Хэммонд, в своём твидовом пиджаке, с той самой указкой, которой он бил по ладоням тех, кто путал падежи. Указка из чёрного дерева. Тон-

кая. Тяжёлая. Мистер Хэммонд говорил, что она досталась ему от его учителя, того самого, который учил его в Кембридже, там всё по наследству, как титулы, как долги, как презрение к тем, кто родился не с той стороны Темзы.

— Volkov. You're late.

— Sorry, sir.

— Sit down. Open your Virgil. Page forty-seven.

Алёша сел. Открыл книгу. Двенадцать строк. Он знал их наизусть. Ещё вчера вечером.

Но сейчас смотрел на буквы и не видел слов.

Буквы были латинские. Слова были чужие, как он сам.

— Volkov. — Мистер Хэммонд постучал указкой по кафедре. Коротко, как выстрел. — Stand up. Read. And translate.

Алёша встал. Ноги сами. Спина сама. Подбородок сам поднялся вверх. Всё как надо. Всё, как у всех. Тело помнило. Тело выучило. Тело было идеальным.

Он посмотрел на страницу.

Arma virumque cano, Troiae qui primus ab oris Italiam, fato profugus, Laviniaque venit litora, multum ille et terris iactatus et altovi superum saevae memorem Iunonis ob iram... («Вою и мужа пою, кто первым с берегов Трои, гонимый судьбой, пришёл в Италию и на лавинские берега; много скитался он по морям и землям изза гнева суровой Юноны, хранящей в памяти обиду...»)

Он знал эти слова. Он знал их четыре года. Он знал их

лучше, чем своё имя. Потому что своё имя, он слышал от отца, а эти слова он выучил. Вызубрил. Вбил в себя, как гвозди в доску.

Он открыл рот.

— "Оружие и человека пою, который первый из Трои..."

Голос ровный, акцент безупречный, ни одной русской шероховатости, ни одной «э» там, где должно быть «и». Мистер Хэммонд коротко и одобрительно кивнул, как кивают на скаковых лошадях, которые хорошо прошли поворот.

— Continue.

— "...берегов в Италию прибыл, изгнанник судьбою, к лавинийским берегам. Много скитался он и по суше, и по морю, гонимый жестокой богини Юноны гневом..."

Алёша говорил. Слова выходили правильно и ровно, как по нотам, как по линейке, как по правилам Куинсберри.

Но внутри было пусто.

Он смотрел на буквы и не видел Энея. Он не видел Трои. Он не видел Италию. Он видел белое поле. Чёрную кровь. Лицо чужое. Своё.

Multum ille et terris iactatus et alto...

Много скитался он и по суше, и по морю.

Алёша скитался. Четыре года. По коридорам Итона. По классам. По рингу. По столовой. По правилам. По расписанию. По жизни, которую ему выбрали.

И куда он прибыл?

К лавинийским берегам?

Нет.

К белой столовой. К холодному чаю. К лицу в зеркале, которое он не узнавал.

— Excellent, Volkov. — Мистер Хэммонд закрыл книгу. Свою, не Алёшину. — Sit down.

Алёша сел. Руки на парте. Спина прямая. Взгляд вперёд. Всё, как надо. Всё, как у всех.

Но внутри, что-то оборвалось.

Не громко, не с треском. Тихо, как нитка, которую тянули четыре года и которая наконец то лопнула.

Он посмотрел на Чарльза, тот сидел рядом. Читал свою страницу. Переводил свои слова. Как всегда идеальный, как и положено сыну баронета.

Чарльз поднял глаза. Увидел лицо Алёши, и понял.

Он всегда понимал. Чарльз умел читать людей лучше, чем Вергилия.

— Ты в порядке? — прошептал он, по-русски, впервые за четыре года.

Алёша посмотрел на него. Чарльз говорил по-русски, с акцентом. С тем самым акцентом, который Алёша так старательно стирал из себя. С тем акцентом, который был его.

— I'm fine, — ответил он. По-английски.

Чарльз улыбнулся. Той самой улыбкой: «я тебя вижу. Но спрашивать не буду».

И вернулся к своей книге.

Алёша тоже, но он не читал. Он смотрел на буквы и думал:

Arma virumque cano. (Оружие и человека пою).

А что поёт он?

Он молчал. Четыре года он говорил только то, что от него ждали. Только то, что требовал отец. Только то, что требовал Итон. Только то, что требовали правила.

А своего у него ничего не было.

Ни слов, ни мыслей, ни снов.

Кроме одного.

Белое поле. Чёрная кровь. Лицо чужое. Своё.

Who is this?

Он задал этот вопрос снова. Тихо. Про себя.

И на этот раз, ему показалось, что кто-то ответил.

Не голосом, не словами, а ощущением.

Тёплым. Тяжёлым. Как рука на плече. Как запах печного дыма, как вкус кислого теста, как будто, кто-то ждал его. Давно. Очень давно.

Алёша вздрогнул. Посмотрел по сторонам, никого. Только мальчики в серой форме. Только мистер Хэммонд у кафедры, только буквы на странице.

Но ощущение осталось. Оно было внутри.

Как заноза, как вопрос, как зов.

— Volkov. — Мистер Хэммонд снова постучал указкой.
— Next passage. Page forty-eight.

Алёша перевернул страницу и на секунду, ему показалось, что буквы шевелятся. Что они не латинские. Что они другие, они зовут его. Куда? Он не знал. Но он шёл.

Глава 2. Ринг

Ринг пах потом, резиной и старой кожей. Запах, который Алёша научился любить больше, чем запах бабушкиных пирогов. Потому что пирог, это слабость, а пот, это работа. Работа это то, что делают джентльмены. По крайней мере, так говорил мистер Хэммонд, стоявший сейчас у канатов с секундомером в руке и с тем самым выражением лица, которое означало: «Сегодня я буду вами недоволен, но вы этого не заслужили».

Четыре тридцать пополудни. Четверг. Зал полупустой. Только свои. Только те, кто платит. Только те, кому есть что доказывать. Алёша из последних.

Он стоял в своём углу. Разминка - десять минут. Скакалка — три минуты. Бой с тенью — пять минут. Всё по секундомеру. Всё по науке. Мистер Хэммонд не терпел импровизации. Мистер Хэммонд — бывший чемпион Англии среди любителей. Он дрался в 1971-м, в Мюнхене. Он до сих пор помнил, как это получать по лицу и он научил этому Алёшу.

Противник — Брэдшоу. Сын генерала. Метр восемьдесят пять. Восемьдесят два кило. Кулак как кирпич. Мозгов чуть меньше. Но для ринга хватает. Брэдшоу — из тех, кого в Итоне любят. Он не умнее других, но он свой. Его отец играл в регби с отцом Чарльза. Его дед служил с дедом Чарльза. В Итоне это важнее, чем ум. В Итоне это важнее, чем всё.

Брэдшоу стоял в своём углу. Разминался лениво, как будто знал, что сегодня не его день. Как будто ему было всё равно. Он улыбался, той самой улыбкой, которая означала: «Сейчас я тебя сломаю, но по-дружески».

Алёша натянул перчатки. Красные. Новые. Кожа — мягкая, ещё не разбитая. Шнуровка — тугая. Запястья зафиксированы. Всё, как надо. Всё, по правилам.

Правила маркиза Куинсберри, это библия английского бокса. 1867 год. Раунды по три минуты. Перчатки. Удары только выше пояса. Если упал, десять секунд, чтобы встать. Никаких борцовских приёмов. Никаких ударов головой. Никакой крови, если можно избежать. Это цивилизованный бой. Это бой джентльменов. Это то, чему отца Алёши никогда не учили.

— Ready? — спросил Хэммонд.

— Ready, sir.

— Go.

Брэдшоу пошёл вперёд, как танк, как паровоз. Как русский медведь из анекдотов, которые Чарльз рассказывал за завтраком. Он всегда шёл вперёд, потому что больше ничего не умел. У него не было техники. Не было финтов. Не было стратегии. Был только напор, кулак и уверенность в том, что размер имеет значение.

Алёша отступил. Шаг назад. Ещё шаг. Руки у подбородка. Локти прижаты к рёбрам. Подбородок вжат в левое плечо. Вес на задней ноге. Всё по Куинсберри. Всё по науке. Всё

так, как его учили четыре года.

Брэдшоу выбросил джеб. Прямой. Быстрый. Но предсказуемый. Алёша ушёл в сторону. Голова влево. Корпус вправо. Джеб прошёл в воздухе, в дюйме от носа.

Брэдшоу выбросил кросс. Правый. Тяжёлый. Алёша нырнул. Поднырнул под руку. Вошёл внутрь. Короткий. В печень.

Брэдшоу крикнул. Звук, как будто кто-то ударил мешок с картошкой.

— Excellent, Volkov! — хлопнул в ладоши Хэммонд. — Excellent form! Keep moving!

Алёша отступил. Вернулся на свою дистанцию. Снова руки у подбородка. Снова вес на задней ноге. Снова идеальный. Снова правильный. Снова джентльмен.

Брэдшоу стоял в своём углу. Дышал тяжело. Рука на печени. Он посмотрел на Алёшу и в его глазах было что-то странное, не злость, не боль, что-то вроде жалости или скуки.

— Ты дерёшься как робот, Волков, — сказал он.

Алёша не ответил. Он ждал гонга. Гонг будет через минуту. Ещё минута и он его добьёт, по правилам, по науке. По-английски.

Брэдшоу пошёл снова. На этот раз без защиты. Просто вперёд. Руки опущены. Подбородок открыт. Он шёл, как будто хотел, чтобы его ударили. Как будто, устал. Как будто, ему было всё равно.

Алёша выбросил джеб. Брэдшоу принял его в лоб. Не

моргнул. Не отступил. Вошёл в клинч. Схватил Алёшу за воротник и притянул к себе.

— What the—

— Забудь правила, — прошипел Брэдшоу ему в ухо. — На минуту, забудь.

И ударил. Раздался хруст. Тёплое. Течёт.

Алёша отлетел. Упал на мягкие канаты, но удар получил-ся жёсткий, из носа шла кровь. Тёплая. На белую рубашку. На крахмальный воротник. На идеальную форму, которую он гладил с вечера, как дурак, как робот, как идеальный английский джентльмен.

— Break! — заорал Хэммонд. — Break, damn it!

Но Брэдшоу уже отступил. Он стоял в своём углу и смотрел на Алёшу и улыбался. Той самой улыбкой, типа: «я тебя предупредил».

Алёша медленно встал. Колени его дрожали. Нос горел. Кровь разлилась по губам. Вкус у нее был какой то мед-ный, как будто он лизнул батарею. Он сплюнул, прямо на пол. Красная капля, на белом дереве. Красное на белом, как кровь на снегу, из его сна.

— Again? — спросил Хэммонд.

Алёша посмотрел на него. Хэммонд не удивлён. Хэммонд не зол. Хэммонд просто ждёт, потому что в Итоне правила, это святое. Даже если противник их нарушил. Даже если ты в крови. Ты должен встать и продолжить, всё по правилам.

— Again, sir.

Они сошлись снова. Брэдшоу снова пошёл вперёд. Алёша снова отступил. Снова джеб. Снова кросс. Снова нырок. Снова короткий в печень. Снова отступил.

Всё по правилам. Всё по науке. Всё по-английски.

Брэдшоу больше не бил головой. Он больше не нарушал правил. Он просто шёл и получал, удар за ударом, кровь за кровью, но по правилам.

Когда гонг ударил, Алёша стоял в центре ринга. Рука поднята. Хэммонд держал её — высоко. Зрители хлопали. Чарльз кивал из угла. Всё как надо. Всё правильно. Всё идеально.

Алёша опустил руку. Посмотрел на Брэдшоу. Брэдшоу стоял в своём углу. Нос разбит. Рубашка в крови, но он улыбался. Той самой улыбкой: «я тебя предупредил».

И Алёша услышал как Брэдшоу сказал кому-то в углу:
— You fight like a Russian, Volkov. Savage, but predictable.
(Дерёшься как русский. Дикий, но предсказуемый).

Алёша отвернулся, он не хотел, чтобы кто-то видел его лицо. Потому что он знал: сейчас он улыбается, а улыбка, это слабость, в Итоне слабость не прощают.

Он пошёл в раздевалку. Снял перчатки. Посмотрел на руки, красные костяшки. Кровь его и Брэдшоу, смешалась, стала, как бы одной.

В зеркале раздевалки он снова увидел своё лицо. Нос опухший. Губа разбитая. Кровь на подбородке и он подумал: *Savage, but predictable.* (Дикий, но предсказуемый).

Он идеальный. Он правильный. Он джентльмен. Он четыре года учился быть англичанином. Четыре года дышал через нос. Четыре года не смотрел в глаза. Четыре года не потел по ночам, а они всё равно видят. Они всё равно знают.

Он русский и это, не диагноз, но лечения нет.

Алёша вытер лицо полотенцем. Кровь осталась на белой ткани. Красное на белом. Как кровь на снегу, из сна.

Он бросил полотенце в корзину. Встал. Пошёл к выходу и в этот момент он понял.

Он может выиграть каждый бой. Он может получить каждый приз. Он может выучить каждую строчку Вергилия. Он может говорить без акцента. Он может пить чай с лордами.

Но они всё равно будут смотреть на него, как на чужого. Потому что чужой, это не то, как ты говоришь. Чужой, это то, кто ты есть, а он не знал, кто он есть и это пугало его больше всего.

Раздевалка пахла потом, дешёвым мылом и чем-то ещё, чем-то кислым, как будто кто-то забыл здесь носки три недели назад, в Итоне это называлось «атмосферой победителей». Алёша всегда думал, что победители пахнут как-то иначе. Дороже. Например, дорогим одеколоном и виски, но нет. Победители пахли так же, как все. Просто их пот считался благородным.

Он сел на деревянную и холодную скамейку. Медленно снял перчатки. Шнурки стали мокрые. Кожа разбухла и руки красные. Костяшки все в ссадинах. Кровь его и Брэдшоу

смешалась. Стала как бы одной. Он смотрел на неё и не понимал, чья она.

Рядом сидел Томлинсон, тот самый, что встретился в коридоре утром. Сын адвоката из Бристоля. Средний. Во всём. Он развязывал ботинки, медленно, как будто у него было всё время мира.

— Неплохо, Волков, — сказал он, не поднимая глаз. — Брэдшоу, говорят, до сих пор держится за печень.

— Спасибо.

— Ты в порядке? Нос, как картошка.

— Бывает.

Томлинсон пожал плечами. Встал. Пошёл к душам, в Итоне не любят долгих разговоров, в Итоне любят короткие, как удары, как правила, как всё.

Алёша остался один. Он встал. Подошёл к зеркалу.

Зеркало большое, во всю стену. С трещиной в углу, кто-то ударил кулаком в прошлом году. Трещину не заклеили. В Итоне не любят, когда вещи выглядят новыми. В Итоне любят, когда вещи с историей, как портреты на стенах, как правила и как презрение.

Он посмотрел на себя. Нос опухший. Слегка искривлённый влево. Губа разбитая. Кровь засохла. Стала коричневой, как ржавчина, как та кровь на снегу из сна.

Волосы мокрые. Прилипли ко лбу. Глаза серые, усталые, чужие.

Who is this?

Он задал этот вопрос снова. Тихо. Про себя.

И на этот раз ему показалось, что кто-то ответил, не голо-
сом, не словами, а ощущением. Как будто зеркало смотрело
на него, как будто оно видело его, как будто оно знало его
лучше, чем он сам.

Savage, but predictable. (Дикий, но предсказуемый).

Он повторил эту фразу вслух. Тихо, по-английски, потом
по-русски:

— Дикий, но предсказуемый.

Звучало иначе. По-русски звучало иначе, как будто, не
оскорбление, как будто правда, как будто комплимент. Он
не понял почему? Он посмотрел на свои руки. Красные ко-
стяшки. Ссадины. Кровь.

Четыре года. Четыре года, он учился быть идеальным. Че-
тыре года, он учился быть предсказуемым. Четыре года он
учился быть английским.

И что он получил?

Он получил фразу от Брэдшоу. Он получил кровь на бе-
лой рубашке. Он получил нос, который теперь будет болеть
неделю. Он получил понимание, что его правила, не работа-
ют, что его техника не работает, что все его, не работает.

Потому что он предсказуем. Потому что он — русский и
это не диагноз, но лечения нет.

Он снова посмотрел в зеркало и на этот раз увидел не себя.
Он увидел того. Бородатого, с перебитым носом из сна.
Тот улыбался ему. Алёша моргнул. Тот исчез.

В зеркале снова он сам. Нос опухший. Губа разбитая. Глаза чужие.

Он отвернулся. Подошёл к скамейке. Сел. Закрыв лицо руками.

Руки пахли потом и кровью и чем-то ещё, чем-то, что он не мог назвать. Чем-то знакомым, как запах печного дыма, как вкус кислого теста.

Как голос, которого он не слышал четыре года.

— *Саженьки, родной. Руки широко, как косая сажень.*

Он вздрогнул. Поднял голову. Посмотрел по сторонам. Никого. Только раздевалка. Только скамейки. Только зеркало с трещиной, но ощущение осталось. Оно было внутри, как заноза или вопрос. Как какой то зов.

Он встал. Подошёл к шкафчику. Открыл. Достал белую, запасную мужскую сорочку. Начал переодеваться и в этот момент, еще более четко понял, что английские правила делали его предсказуемым, а предсказуемость это тоже слабость. Потому что тот, кто предсказуем, тот, кто проигрывает, а он не хотел проигрывать.

Он не знал, чего хотел, но он знал, чего не хотел. Он не хотел быть предсказуемым, не хотел быть идеальным. Он не хотел быть тем, кем его сделали.

Леша посмотрел в зеркало в последний раз и сказал тихо, по-русски, с тем самым акцентом, который так старательно стирал из себя четыре года:

— Кто я?

Зеркало молчало, но он знал, что рано или поздно, но ответ придёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.